

снабженный такой печатью, содержит собственное «рукописание» владельца буллы. Иными словами, надпись относится не к печати, а к документу, ею скрепленному. Такая надпись кажется наиболее уместной при письменном распоряжении, письме, донесении и т. п., но не при акте. Это как бы ярлык с обратным адресом, некое подобие исключительно поздней печати частной переписки, а сама формула «От Ратибора» может служить указанием на то, что Ратибор пользовался своими буллотирями при запечатывании корреспонденции.

Еще два обстоятельства кажутся значительными. Во-первых, обращает на себя внимание множественность вариантов печати «От Ратибора». Когда какая-либо печать доходит до нас во многих экземплярах, оттиснутых одной парой матриц, то это может быть свидетельством лишь особо интенсивной деятельности ее владельца в сравнительно короткий промежуток времени. Но в случаях, подобных рассматриваемому, мы можем и должны говорить о продолжительной деятельности Ратибора. Во-вторых, бросается в глаза территориальная разбросанность этих печатей. Две из них найдены в Крыму, две — в Киеве, одна — под Лубнами Полтавской области, одна куплена в Севастополе, одна — в Константинополе. Такая разбросанность говорит о значительном территориальном размахе деятельности Ратибора. Эти обстоятельства должны быть отмечены особо, так как принадлежность всех вариантов булл Ратибора одному и тому же лицу не вызывает каких-либо сомнений.

Своеобразие печатей Ратибора несколько раз привлекало внимание исследователей. Особенно подробно они были изучены А. В. Орешниковым и Н. П. Лихачевым¹. Благодаря усилиям этих исследователей вполне обоснованы даты печатей Ратибора — вторая половина XI — начала XII в. — и их принадлежность известному в русской истории лицу — тмутараканскому наместнику, а затем киевскому тысяцкому Ратибору. Поскольку главные вопросы их первоначального изучения уже решены, печатями Ратибора удобно воспользоваться, чтобы показать возможности бо-

лее детальной датировки булл, возникающие при сравнении различных вариантов однотипных сфрагистических памятников.

Сама однотипность вариантов говорит о том, что они возникали в результате копирования стиравшихся от употребления образцов, и, следовательно, наиболее поздний вариант должен оказаться наиболее отдаленным от самого раннего. Другие варианты займут промежуточное положение. Последовательное копирование вариантов, кажущееся для нас несомненным уже в силу их детального сходства, может быть подтверждено и некоторыми особенностями надписей и изображений этих булл.

На вариантах № 67, 68 и 69 имя святого передано в искаженной греческой форме: ⓐ Κλημεζο вместо ⓐ Κλημεζ. В. Н. Щепкин, посвятивший надписям печатей Ратибора небольшой очерк, склонялся к тому, чтобы признать конечную букву «ο» «русской прибавкой» к греческой надписи, и кроме того, результатом изменения слабого редуцированного «ъ» в «ο»². В. Н. Щепкин привел ряд аналогий, взятых из надписей нередицких фресок, которые, однако, мало убеждают, поскольку относятся ко времени, на столетие более позднему, чем печати Ратибора. Кроме того, приведенные им примеры типа «Евано», «Яково» и т. п. только в том случае были бы действительно аналогичными, если бы имена были изображены в форме «Еваносо», «Яковосо» и т. д. В. Н. Щепкин сам признавал XI в. временем слишком ранним для предложенной им замены букв, однако делал скидку на более раннее появление новых форм в надписях бытовых памятников. Мы полагаем, что изложенных недоумений вполне достаточно для того, чтобы усомниться в правильности такого истолкования.

Между тем в том же очерке В. Н. Щепкина мельком, в одной фразе было высказано и второе предположение, которое оказывается более убедительным: «Можно бы предположить еще, что конечное «ο» есть начало титула ὁ πάλας τῆς Ρωμῆς»³. На первый взгляд это предположение выглядит несколько странным: из титула взята только начальная частица, написана первая буква, не несущая никакого содержания, хотя остальные 13 букв заведомо не поместились бы на печати. Однако как только мы попытаемся поставить вопрос об источнике изображения и надписи печати, все встанет на свои места.

² А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 140.

³ Там же.

¹ А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. «Труды Московского нумизматического общества», т. 3. М., 1903, стр. 137—141, раздел «Две свинцовые привески печати тмутараканского посадника Ратибора»; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930, стр. 19—20 (раздел «Печати с надписью ОТ РАТИБОРА»). См. также: Т. Герасимов. Два славянских моливдовула XI и XIII вв. «Byzantinoslavica», XIII, 1, 1952; В. Л. Янин. О печатях Ратибора. СА, 1960, № 2, стр. 270—275.